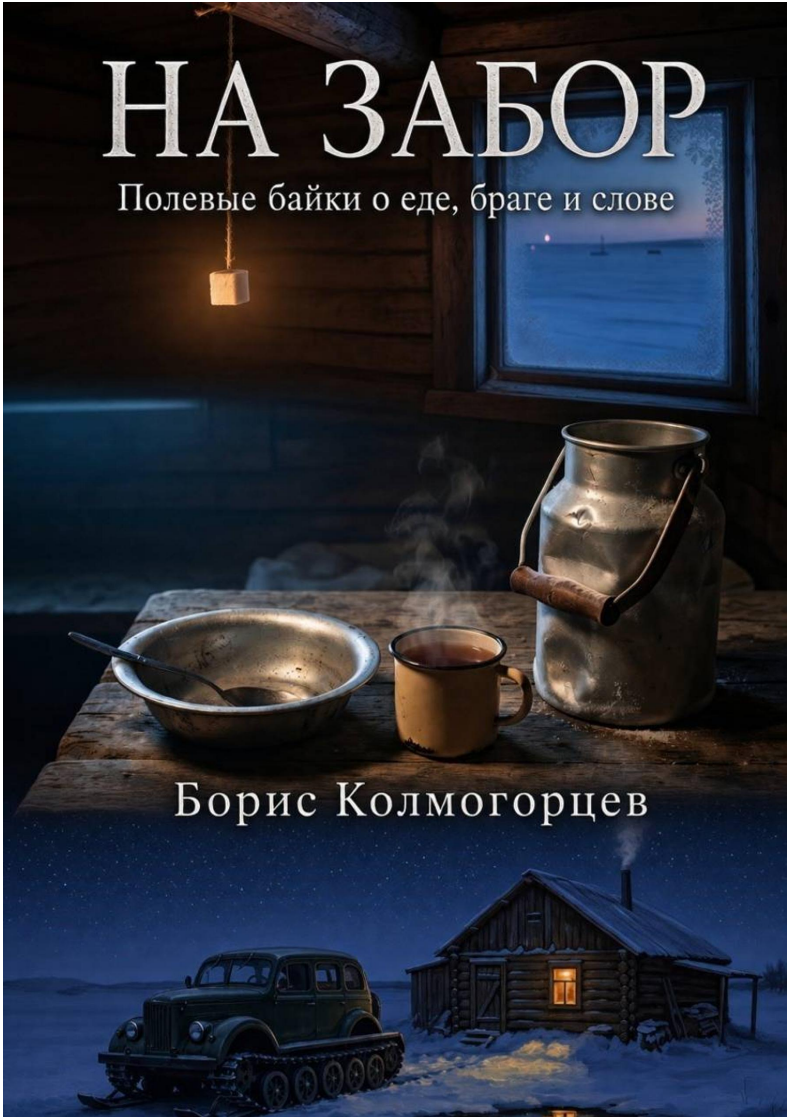

НА ЗАБОР
Полевые байки о еде, браге и слове
Борис Колмогорцев

Борис Колмогорцев
На забор

https://litres.ru/74816524
SelfPub; 2026

Аннотация

«На забор» — цикл документально-художественных рассказов о буднях геолого-геофизических партий Крайнего Севера в 1975–1980 годах, где каждый день проверяет человека на прочность, чувство юмора и верность данному слову.

В заснеженном экспедиционном балке на побережье Карского моря и острове Вайгач вся жизнь проходит за одним длинным столом. Здесь повар Кузьмич «лечит» любую беду горячим борщом, вездеходчик Витёк за сорок секунд подменяет варёные яйца «на забор» на сырые, молчаливый Володя-Миксер смешивает первое, второе и компот в одной миске, а топограф Коптяев подвешивает к потолку стратегический кусок сахара на верёвочке.

Но за смешными полевыми байками о дефиците продуктов и изобретательности скрывается суровая правда Севера: здесь бок о бок с молодыми геофизиками работают люди с непростыми судьбами и лагерным прошлым, для которых сказанное слово дороже любых бумаг, а за нарушение сухого закона приходится отвечать по законам, не прописанным ни в одной ведомственной инструкции.

Содержание

НА ЗАБОР 4
От автора 5
Действующие лица 7
1. Яйца... бьющиеся! 9
2. Всё равно перемешается 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Борис Колмогорцев
На забор

НА ЗАБОР

Полевые байки о еде, браге и слове

Цикл рассказов из жизни геолого-геофизических партий Севера, 1975–1980 годы

От автора

Эти рассказы о людях, которых я знал в геофизических партиях Севера в 1975–1980 годах. Мы работали зимой и летом, на ГАЗ-71, ГТТ и вертолёте Ми-4, и почти всё, что случалось с нами, обсуждалось за длинным столом в кухне-балке. Поле всё делает прилюдным: спрятаться некуда, поэтому и байки у нас получались общие.

Я не писал хронику. События, годы и места здесь настоящие — из моей памяти и рассказов товарищей. Но разговоры я восстанавливал так, как они могли звучать, потому что слов, сказанных сорок с лишним лет назад, никто дословно не помнит. Прозвища, закрепившиеся за героями, частично придуманы мной при работе над текстом. Не все герои могут подтвердить своё участие, и не все согласились бы увидеть себя в книге, поэтому реплики следует читать как литературную реконструкцию, а не как стенограмму.

Сначала я хотел собрать только смешные истории о том, как мы ели, чего нам не хватало и как выкручивались. Смешного хватило с избытком: яйца, сахар на верёвочке, борщ с компотом в одной миске. Но память не позволила оставить только смех. Вслед за едой в неё входила брага, а вместе с ней — люди, у которых за плечами был срок и своя тюрьма. Поэтому цикл заканчивается рассказом, который не смешной. Без него эти байки были бы неполными.

Если вы были в поле, вы узнаете запахи. Если нет — надеюсь, поймёте, почему о таких вещах мы вспоминаем с улыбкой.

Борис Колмогорцев

Челябинск — пос. Рощино, 2026

Действующие лица

Кузьмич, повар, он же «Министр продовольствия». Человек грузный и неторопливый, половник носит за поясом, как другие носят нож. Убеждён, что любую беду лечит горячее.

Витёк, он же Ртуть. Вездеходчик ростом «метр с кепкой». Не умеет стоять, сидеть и молчать.

Санёк, он же Нордический. Вездеходчик под два метра. После Штирлица о нём говорили только так: «выдержанный».

Володя, он же Миксер. Бич из новых, невзрачный и молчаливый.

Борис Коптяев, он же Сахарный. Топограф, выпускник МИИГАИК, автор сахара на верёвочке.

Феликс Владимирович, он же Интендант. Завхоз. Любую просьбу выслушивал с лицом человека, которому только что сообщили о конце света, а он давно знал.

Петро Семёнов. Неформальный предводитель бичей, из многодетной семьи, с трудной судьбой.

Виктор Латышев, он же Эфир. Радист. Не путать с вездеходчиком Витьком.

Николай. Вездеходчик, охотник, носитель терпения.

Саян, Васька, Найда. Овчар, кот и трёхлапая лайка.

Владимир Терешко. Старший геолог партии, рассказ-

чик вайгачской истории. Не путать с Володей-Миксером.

Саша Шлома. Геолог, ходивший в тот самый маршрут на Вайгаче.

Филимон. Вездеходчик, человек из сидельцев. Десять лет «за колоски». Слово знает.

Саша-Академик. Студент в академическом отпуске, третий курс ЛенГИ. Свидетель по делу Филимона.

Я. Сначала молодой геофизик, потом и. о. начальника отряда. Моё дело было ходить по профилю, слушать, что говорят люди, и отвечать за всё, включая то, чего я не видел.

1. Яйца... бьющиеся!

Зимой 1975 года, в мой первый сезон в Осовейской геофизической партии, я быстро понял главное: в поле всё происходит прилюдно. Не потому, что люди любят публичность. Просто спрятаться некуда.

Центром мироздания была столовая, то есть балок с кухней, поваром и длинным столом во всю длину. За ним умещалось человек двадцать, почти все бичи из топогеодезических и гравиметрических бригад. Готовить у себя в балках считалось дурным тоном. Кузьмич кормил вполне съедобно, снабжение было качественным, а продовольственные трудности до геолого-геофизической отрасли ещё не добрались. Обеда в поле не было, только завтрак и ужин, но Кузьмич считал, что хороший завтрак стоит двух обедов.

Особняком сидели вездеходчики на ГАЗ-71, Витёк и Санёк. Витёк, ростом «метр с кепкой», был сделан из чего-то ртутного. За столом он вскакивал за солью, перегибался через пол-балка за армейскими сухарями или хлебом, комментировал чужие тарелки и всё равно съедал свою быстрее всех. Санёк вымахал почти до потолка, плечи имел в косую сажень, а характером был «нордический, выдержанный». Ел он так же, как жил: обстоятельно и без суеты.

К первому и второму Санёк неизменно варил себе три-пять яиц. Их записывали на его счёт, и называлось это «на

забор». Ритуал был отлажен до секунды.

— Кузьмич, мои на печи, — говорил Санёк и ставил на плиту металлическую миску с яйцами в воде.

— Знаю, не первый день замужем, — отвечал повар, не оборачиваясь.

— Десять минут. Потом сам сниму.

И он выходил перекурить, как выходят люди, абсолютно уверенные в порядке вещей.

Витёк ждал именно этого. Дверь ещё не закрылась, а он уже стоял у печи. Варёные яйца исчезали в карманах его телогрейки, сырые занимали их место, и Витёк снова сидел на лавке с лицом человека, который за всю жизнь не совершил ничего предосудительного. Операция занимала секунд сорок.

Все всё видели. Коптяев видел. Кузьмич, стоявший с половником в трёх шагах, видел лучше всех, но у него была своя этика: на кухне он отвечал за еду, а не за мораль.

— Витя, — сказал он вполголоса, — я ничего не видел. Но если разобьёшь мне плиту, будешь питаться воздухом.

— Кузьмич, обижаешь. Я человек тихий.

Санёк вернулся, снял миску, придерживая тряпицей, залил яйца ледяной водой и выдержал положенное время. Народ как-то сам собой отложил ложки.

Людей, как известно, делят на две категории. Одни разбивают варёное яйцо деликатно, чуть тюкнув острым концом о край стола. Другие бьют со всего маху, будто забивают

гвоздь. Санёк относился ко вторым, а ручища у него была как лопата.

Он взял первое яйцо и приложил его о столешницу во всю сажень.

Стол, миски и ближайшие соседи оказались украшены желтком и белком. Санёк оглядел присутствующих непонимающим голубым взглядом, достал второе и шарахнул смертным боем. Потом третье, четвёртое, пятое. Когда яйца кончились, на нём самом не осталось сухого места.

— Как?! — спросил он в наступившей тишине.

Вопрос прозвучал, конечно, в куда более крепкой редакции, которую по цензурным соображениям воспроизвести нельзя.

— Может, сырые попались, — сочувственно предположил кто-то с дальнего края, старательно разглядывая потолок.

— Какие сырые! Десять минут кипели, я сам считал!

— Курица нынче пошла нестойкая, — подал голос Витёк, аккуратно стирая с рукава чужой желток. — Видать, не доварилась ещё в курице.

Кузьмич в этот момент очень внимательно изучал дно кастрюли. Бичи дружно уткнулись в кружки. Для Санька «несваренность яиц» так и осталась загадкой, а Витёк потом ещё неделю ходил по балку с лицом ангела.

2. Всё равно перемешается

Если Витёк был главным шутником нашего стола, то главным философом стал человек, который не сказал за первую неделю и десяти слов.

Зимой 1977 года в той же Осовейской партии появился новый бич, Володя. Раньше на полевых работах его никто не встречал. Обычный человек, невзрачный и молчаливый, из тех, кого через полчаса после знакомства не вспомнишь. Единственная его особенность обнаружилась в первый же вечер, причём в столовой, где все особенности и обнаруживаются.

Я стоял в очереди к раздаче сразу за ним и потому оказался свидетелем первого контакта. Кузьмич с половником за поясом привычным движением уже тянулся за глубокой тарелкой для борща.

— Мне первое, второе и компот, — тихо сказал Володя.

— Обычное дело, — кивнул Кузьмич. — Борщ сюда, кашу сюда, компот в кружку.

— В одну тарелку.

Половник замер на полпути.

— Куда?

— В одну. В миску, если можно.

Сказать, что повар растерялся, значит ничего не сказать: он потерял дар речи. За много лет у плиты Кузьмич видел

всякое. Были бичи, требовавшие добавки, бичи, требовавшие без хлеба, бичи, пытавшиеся расплатиться часами. Но чтобы всё в одну миску — такого не бывало.

Просьбу он, впрочем, выполнил, потому что принципиальный человек выполняет заказ, даже если не одобряет. В металлическую миску легли горячий борщ, затем каша с тушёнкой, и всё это увенчалось компотом из сухофруктов. Получилось нечто среднее между супом, рагу и ночным кошмаром кулинара.

Очередь следила молча, как за фокусом. Кто-то за моей спиной тихо присвистнул. Кузьмич подал миску двумя руками и не выдержал. Любопытство человека, у которого на глазах рушится картина мира, пересилило профессиональную сдержанность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.